

Анжелика Меркулова

Кицунэ

18+

Ёкаи. Начало.

Анжелика Меркулова

Кицунэ

«Автор»

2026

Меркулова А.

Кицунэ / А. Меркулова — «Автор», 2026 — (Ёкаи. Начало.)

Она — кицунэ. Демон-лиса. Продрогшая, голодная, отчаявшаяся. Пришла к воротам Храма Вечной Луны с ложью на устах и обсидиановым клинком в рукаве. Он — Безупречный. Святой в шаге от растворения в чистом Свете. Тот, кто тысячелетиями стирал из себя всё человеческое. Её удар должен был стать его финалом. Вместо этого — стал началом их падения. Он надел на неё ошейник из света, чтобы сломить. Она разожгла в нём огонь, чтобы выжить. Теперь они заперты в тишине Храма, где воздух пахнет сандалом и ложью, жасмином и страхом. Где каждое прикосновение — битва, а каждое слово — ловушка. Но когда охотники придут за добычей, а его сияние истины начнёт угасать — готов ли Безупречный сжечь весь мир, чтобы согреть свою демоницу?

Содержание

Пролог. Беглянка.	5
Глава 1. У врат Безмолвия.	7
Глава 2. Шёпот в ночи.	10
Глава 3. Орден Святого Солнца.	15
Г	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кицунэ

Пролог. Беглянка.

Ночь накрыла лес чёрным шёлком, сотканным из темноты, дождя и страха.

Ветви хлестали по лицу, как плети, оставляя на коже кровавые расписки, что она давала смерти каждым своим вздохом. Воздух рвал лёгкие, холодный и острый, словно битое стекло. Каждый глоток его был последним — так казалось, так должно было быть, но она всё ещё дышала.

Вспышки молний раздирали небо надвое, и в этом призрачном, бело-голубом сиянии на мгновение являлся мир — искажённый, чужой, враждебный. Огромные деревья вздымались к небу, как чёрные соборы, где тьма служит мессу собственного отчаяния. Тени металась между стволами, множились, окружали, дышали в затылок ледяным ужасом.

Они были близко.

Она слышала их — лязг металла, приглушённый дождём, хриплое дыхание преследователей, тяжёлый топот сапог по размокшей земле. Иногда в разрывах ветра доносились голоса — грубые, нетерпеливые, уверенные в скорой добыче. Они знали, что она не уйдёт. Знали, что и непроходимый лес, и эта темная ночь, и её удушающий страх — их преданные союзники.

Но они не знали её.

Маленькая фигурка мелькала между стволами, как лесной дух — обрывок сна, воплотившийся в образе невинного дитя. Платье, когда-то нарядное, нежно-голубое, с кружевными рюшами, теперь превратилось в лохмотья — грязные, мокрые, цепляющиеся за ветки, словно сама природа пыталась удержать её, не пустить туда, куда она так отчаянно стремилась.

Дождь низвергался сплошной стеной, единой водяной завесой, сквозь потоки ничего не было видно. Капли били по лицу, смешиваясь со слезами — или то были только капли? Она уже не различала. Ноги вязли в грязи, подгибались, но продолжали нести — вперёд, только вперёд, туда, где за этим чёрным лесом, за этой бесконечной ночью должен был быть свет.

“Я смогу.”

Мысль пульсировала в висках в такт бешеному ритму сердца. Она стала её молитвой, единственным, что удерживало сознание на краю пропасти. Без этой слепой веры она бы уже упала — в грязь, в темноту, в лапы тех, кто гнался по пятам.

Вспышка молнии озарила долину — на одно ослепительное мгновение она увидела её всю: тёмное море леса, серебряную нить реки, и там, вдалеке, на холме — мерцающее сияние. Спокойный, чистый, невозможный, столь прекрасный в этой вселенской тьме.

Свет.

Там был свет.

И этот свет манил её к себе.

Она споткнулась о корень, взметнувшийся из земли, подобно руке предателя, и упала. Грязь хлынула в рот, холодная, тошнотворная, с привкусом прелых листьев и собственной крови. Где-то за спиной торжествующе взвыли голоса — они услышали падение, предвкушали близость добычи.

Всегда одна. Постоянно в бегах. Города, лица, имена — всё стиралось в памяти, сливаясь в безликую серую массу. Свое одиночество носила, как это ненавистное платье — с той лишь разницей, что облики она менять любила. Мир вокруг всегда казался ей темным лесом, полным опасностей и звуков погони за спиной. Никто не произносил её имя с теплом. Ни одной руки, чтобы опереться. И нет желания остановить этот забег.

Никого не было рядом.

Даже когда он появился — ничего не изменилось. Возник из ниоткуда, такой же потерянный. Не должен был ей помогать — это было глупо, невыгодно и смертельно. Но всё-таки он заслони́л её. И этот миг единственной, невыносимой близости теперь висел над ней очередным невыплаченным долгом.

Она запомнила его глаза — в последнее мгновение, перед тем как свет в них окончательно погас. В его взгляде не было укора. Только лихорадочная, безумная вера, которая сейчас так её душила, ведь сама она никогда её не разделяла. Он погиб за собственные иллюзии — до последнего верил в ту, кем она никогда не была.

“Вставай.”

Она стиснула зубы и поднялась. В одно движение — без всхлипа, без жалобы, без той суетливой возни, с какой поднимаются уставшие, измотанные дети. Не потому, что были силы. Не потому, что тело её слушалось. Лишь оттого, что там, в груди, где всё ещё билось сердце, тихо тлел тот самый огонёк — слабый, но не угасающий. Тот, который она несла сквозь этот ад.

Она не имела права умереть. Даже если очень хотелось. Даже если каждая клеточка вопила: упади, закрой глаза, остановись.

“Его жертва не будет напрасной.”

Мысль эта была сильнее любого хлыста, жгла сильнее любого пламени. Она гнала её вперёд, когда лёгкие горели огнём, когда перед глазами плыли чёрные круги, когда казалось, что следующий шаг точно станет для неё последним.

Грязь хлюпала под ногами. Сдастся сейчас — и его смерть станет бессмысленной. А её жалкая жизнь беглянки — так и останется пустым местом. Абсолютным ничтожеством.

“Всё или ничего. Сейчас или никогда.”

Она не имела права умереть, пока не сделает хоть что-нибудь. Прежде чем последний обманчивый свет её ложной веры окончательно растворится в этой проклятой тьме.

“Ради него. Ради всех нас.”

Там, за этим мрачным лесом, за этой непроглядной тьмой, за этими подлыми псами, жаждущими её крови, оставались те, кто ждал. Кто нуждался. Для них она была последней надеждой. Те, кто не выживет, если она не добежит. Не сделает то, ради чего пришла.

“Я добуду Силу.”

Вспышка молнии расколола небо, и на мгновение мир стал белым, как лист бумаги, на котором ещё не написали ни слова. И в этом ослепительном сиянии она увидела цель — вершину холма, где мерцал Храм. Ближе. Совсем близко.

Ноги несли, уже не чувствуя боли. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая и дождь, и голоса преследователей, и даже её собственный страх. Осталось только одно — бежать. Туда, где свет, где спасение. Там можно будет наконец упасть, зная, что всё было не зря.

“Я создам непроницаемый барьер.”

И в этом обещании, в этом последнем, отчаянном, невозможном слове было всё: её упрямство, её ярость, её долг. Та самая слепая, безумная, всепобеждающая вера, что заставляет маленькую девочку бежать сквозь густые заросли в ночи, невзирая на свой страх и смертельную опасность — туда, где её Свет.

Ветер выл в ушах, дождь хлестал по лицу, молнии рвали небо в клочья. А она всё бежала. Потому что не могла позволить себе сдаться. Потому что там, в конце этого пути, было нечто большее, чем просто спасение.

Там был он.

Там была надежда.

Там был шанс.

И она готова была умереть за этот шанс.

Но сначала — добежать.

Глава 1. У врат Безмолвия.

*Он был как лёд на горном склоне —
прозрачен, твёрд и одиноч.
Тот лунный свет — что бел и строг,
без пятен, тени иль изъяна.*

Тишина в Центральном Зале Храма Вечной Луны не была пустотой. Она не давила, а наполняла, густая и сладостная, как истинный мёд, выдержанный в сосудах вечности. Воздух, прохладный и кристально чистый, дышал ароматами веры — тонким сандалом тлеющих благовоний, тёплым воском оплывших свечей, хвойным деревом и чем-то неуловимым: озоном после грозы и запахом высоких гор, где земля касается неба. Здесь царил покой, выкованный из дисциплины и отречения. Каждая частица этого пространства, каждый луч света от магических фонарей в форме лотосов, каждая тень, отбрасываемая резными колоннами из тёмного дерева, — всё было подчинено одному: абсолютной, совершенной гармонии.

В самом сердце этой тишины на простой циновке из тростника игуса в позе лотоса замер Мастер Кристиан, прозванный в народе Безупречным.

Он пребывал в состоянии глубокой медитации. Неподвижный, как горный пик в утреннем тумане, когда тот ещё клубится у подножия, но вершина уже купается в первых лучах солнца, ещё не видимых для остального мира. Живое воплощение идеального равновесия — подобно нефритовым статуям архатов, что тысячелетиями охраняют покой древних пагод, вбирая в себя молитвы и время, но оставаясь неизменными. В нём не было ни напряжения, ни расслабленности — лишь чистое присутствие гармонии вечности.

Утончённое лицо обрамляли волосы белее первого зимнего снега, вобравшего в себя сияние звёзд. Длинные, шелковистые пряди ниспадали роскошным водопадом, сливаясь с белизной одежд так естественно, что казалось — сам свет обрёл плоть и струился вдоль его спины. Они свободно рассыпались по плечам, не стянутые в узел — знак высочайшего статуса, освободившегося от любых условностей. Того, кто уже не принадлежит миру форм, но ещё не растворился в бесконечности.

Черты его — аскетичные и благородные, точно гениальному скульптору позировало само небо, — дышали такой невозмутимой, ангельской чистотой, что один лишь взгляд на него мог заставить сердце сжаться от необъяснимого благоговения. В них не было ни гордости, ни смирения — лишь совершенство, не ведающее о своей исключительности. Тонкая линия бровей, изгиб губ, едва заметная тень у переносицы — каждая деталь была выверена высшим эталоном, по которому природа потом лишь равняется.

На его губах, казалось, навсегда застыла лёгкая, благостная улыбка умиротворения, обращённая внутрь себя, к давно постигнутой Истине-Дао.

Тело, хрупкое на вид, было несокрушимо. Века аскезы, омовений в ледяных источниках и беспощадных практик закалили его так, что оно почти перестало быть материальным бременем. Под тонким шёлком кимоно угадывалась сдержанная мощь — мышцы лежали длинными, гладкими тяжами, готовыми в любой миг высвободить сокрушительную энергию. Но сейчас они были расслаблены. Дыхание было столь медленным и ровным, что мощный торс почти не вздымался. Лишь тончайшая ткань иногда колыхалась от едва ощутимого движения воздуха — единственный признак жизни в этом безупречном изваянии.

“Спокойствие. Ясность. Пустота. Совершенство.”

Сознание, отточенное, как клинок катаны, рассекало пелену иллюзий. Мирское — с его суетой, страстями и болью — отступило далеко, стало смутным эхом за тяжёлыми вратами

храма. Он наблюдал за игрой последних призрачных привязанностей, как лицезрел бы плывущие в вышине облака. Они были, но не могли его затронуть.

“Вознесение близко. Истина зовёт.”

Он чувствовал её — не как мысль, а как звучание за порогом слуха, как свет за краем зрения. Она была целью, смыслом и освобождением. Стать воплощённым Светом — мягким, принимающим, вечным. Свободным от уз материи и искажения желаний. Служение верующим, защита праведников — это был его Великий Путь Дао, благородный и осознанный. Единственно верный в понимании Кристиана. Теперь, на вершине мастерства, он готовился исполнить истинное предназначение — стать Ядром Чистой Силы, источником спокойного сияния. Тем, кто освещает путь другим, не опускаясь в их тени, не пачкаясь их грязью. Сострадание — да. Но свободное от личной боли. Помощь — разумеется. Но без привязанности к тем, кого благословляешь.

“Материя — лишь иллюзия. Боль — следствие привязанности. Желание — корень страдания. Вера и Истина — единственно реальны. Божественная суть есть в каждом, но лишь единицы способны отсечь всё лишнее, чтобы та проявилась.”

Мысли текли плавно, подобно воде в подземном русле. Он вспоминал ступени Пути: отречение от имущества, от семьи, от имени. Победа над голодом, холодом и страхом. Укрощение гнева, подавление порицания, растворение гордыни. И наконец — тихое угасание последнего, самого коварного заблуждения: желания быть кем-то, даже Безупречным. Скоро и оно уйдёт. Останется только чистое, безликое сияние Истины.

Внезапно тишину рассек звук.

Сначала — далекий, приглушенный. Неясный гул, похожий на удар ветра о массивные лаковые ворота храма, украшенные бронзовыми ликами небесных стражей. Безупречный не дрогнул. Мысль отметила помеху и отпустила ее, как отпускает течение лепесток.

“Иллюзия. Испытание.”

Но звук повторился. Теперь отчетливее. Это был стук. Не ритмичный, не почтительный от послушника или паломника. Отчаянные, хаотичные удары — кулаком, или скорее даже ладонью, чем-то мягким и живым о древнюю, дубовую твердь, усиленную стальными накладками. И следом безмолвие Храма нарушил нежный женский голос. Хоть и приглушенный, искаженный толстой древесиной, но наполненный таким ярким, неприкрытым отчаянием, что неприятно резанул по натянутым струнам его безмолвия и вонзился в кристальную ясность ума, подобно острому шипу.

— Помогите! Прошу, откройте! Они... уже так близко...

Безупречный медленно, будто сквозь воду, вышел из глубины медитации. Веки его приподнялись. Взгляд, лишённый привычной фокусировки, был обращён внутрь. Но теперь в него просачивалась реальность. Взору открылся высокий потолок, поддерживаемый сложными переплетениями тёмного дерева, теряющийся в полумраке под самой крышей. Слабый свет магических фонарей лился мягкими лучами на отполированный до зеркального блеска пол из чёрного базальта. В нише, обрамлённой резной рамой из красного дерева, статуя Безликого Архата смотрела в пустоту своими невидящими глазами из нефрита.

Стук не утихал. Он стал яростнее, громче.

— Умоляю! Я знаю, вы там! Хранитель! Пожалуйста? Они убьют меня!

Мысль, холодная и четкая, возникла в его сознании: “Нарушение!” Покоя, устава. Нарушение всех процессов. Ночные часы — время внутреннего круга, тишины и созерцания. Врата запечатаны после заката. Праведник, ищущий убежища, придет с рассветом, смиренно и терпеливо. Тот, кто ломится в ночи, несет с собой хаос и страх — эманации низшего, материального мира пыли и страстей. Она тянет за собой шлейф мирской грязи, конфликтов, скверны и, возможно, греха.

“Слабость. Страх. Привязанность к жизни, которая есть лишь миг. Её паника — доказательство неведения, её погруженности в иллюзии страдания.”

Безупречный сделал медленный, очищающий вдох. Воздух заполнил легкие, прохладный и освобождающий. Зал был пропитан ароматом благовоний для усиления ментальной концентрации. Он наблюдал за реакцией тела — за едва уловимым напряжением в мышцах спины, за учащением пульса на долю секунды. Он признал эти сигналы, эти остатки животной кармы, отклика на крик о помощи. И затем — отпустил их. Растворил в великой пустоте своего спокойствия.

“Мое служение — защита праведников и Храма. Но кто есть праведник? Тот постучится в дверь с миром в душе. И не посмеет сеять панику у порога. Мое вознесение — служение высшему порядку. Поддаться на этот крик — значит шагнуть назад, позволить материальному хаосу нарушить тонкую ткань подготовки. Истина не терпит суеты. Вера не нуждается в доказательствах в виде чужих слез.”

Он снова закрыл глаза, углубляясь в себя. Стук и крики стали отдаляться, превращаться в фоновый шум, в еще одно испытание на его безупречном пути. Он мысленно воздвиг вокруг себя непробиваемую стену из лунного сияния - белого, немого света, сквозь которую не проникнет ни звук, ни страх, ни чужая боль.

“Пусть её судьба свершится по воле Высшего Закона. Если она чиста, Свет защитит её и без моего вмешательства. Если нет... то её страдания — урок для души на колесе перерождений. Я не должен брать на себя карму другого. Не сейчас. Не в этот решающий момент.”

Внутри него росла тихая, всепоглощающая уверенность. Это был правильный выбор. Выбор в пользу вечного над временным, света истины над тенью сострадания к человеческой слабости. Его суть — вознесение. Его путь — безупречен. Ничто, даже отчаянный стук у врат, не собьет мастера с избранной тропы.

Глава 2. Шёпот в ночи.

Тишина снова начала обволакивать, теперь еще глубже, еще полнее. Отзвуки крика растворились, словно их и не было. Внутренняя ци пульсировала ровно, готовясь к последнему, великому преображению.

За массивными, лаковыми дверями, в холодной ночи, стук внезапно прекратился. Воцарилась абсолютная тишина. А в Зале Хранителя вновь окружили безмятежность и покой — холодные, чистые, безупречные. Подобно льдам на высочайшей вершине всех миров - Пике Ясновидящих, куда не долетают крики тех, кто всегда оставался внизу.

Но эта самая тишина, последовавшая за внезапным прекращением стука, показалась ему иной. Не наполненной, а пустой. Не священной, а зловещей. Она повисла в храме тяжким ожиданием, словно сам воздух замер, прислушиваясь к отзвукам несостоявшейся драмы за стенами. Безупречный отметил это изменение на периферии сознания, но не позволил ему проникнуть вглубь. Испытание прошло. Он устоял. Мирское отступило, признав своё поражение перед неприступной крепостью его духа.

“Путь ясен. Ничто не властно над тем, кто отринул всё.”

Он готов был вновь погрузиться в медитацию, когда безмолвие нарушил новый звук.

Не стук. Не крик. Ласковый шепот...

— Простите... Я знаю, что не должна нарушать ваш покой...

Голос был тихим, тонким, как трепет крыла ночной бабочки. Женский. Или, скорее, девичий. В нём не было истеричной мольбы предыдущего зова. Была тихая, почти стыдливая просьба, смешанная с усталостью и таким беззащитным доверием, что оно просочилось сквозь толщу дубовых врат, словно сквозь сито.

— Мне... так страшно. Вы... единственный, кто может помочь.

Безупречный не открыл глаз, но медитативное состояние дрогнуло, дало микроскопическую трещину. Этот голос... Он был особенным. Не угрожал, не требовал. Он просил. Словно дитя, заблудившееся в лесу, нашедшее наконец огонёк в окне. В нём звучала нота, которой не было в первом, грубом крике — нота чистой, детской надежды.

Мысль, холодная и отточенная, тут же нанесла удар: “Иллюзия. Лишь более утончённая приманка. И только. Испытание принимает иную форму. Сладость, обёрнутая в шёлк невинности.”

Он наблюдал за этой мыслью, как изучал бы проплывающую рыбку в садовом пруду. Да. Возможно. Даже вероятно. Но...

За дверью послышался тихий всхлип. Не театральный, а сдавленный, будто его пытались скрыть. И шорох мокрой ткани о мраморный порог.

“Если это ловушка — она очень искусна. Если это истинная нужда — её глубина иная. Ребёнок. Женщина. Существа, по природе своей более уязвимые...”

Его учение не делало различий. Дух не имеет пола, не имеет возраста. Страдание — всегда есть страдание. Но служение... должно быть мудрым. Открыть врата ночью — против устава Синода. Впустить неизвестного — угроза безопасности Храма.

“Но если я, стремящийся стать воплощённым Светом, откажу в убежище беззащитному у своих врат... чего тогда стоит моё служение? Абстрактная идея? Красивая теория, не имеющая связи с внешним миром? Истина должна быть действенной. А вера — деятельной.”

Внутри него разверзлась бездна сомнения — первая за долгие десятилетия. Это было не жгучее смятение, а холодный, аналитический раскол. С одной стороны — безупречный путь к вознесению, требующий абсолютной чистоты, неомрачённой мирскими делами. С другой — сама суть того, ради чего он шёл этим путём: помощь, защита, сострадание.

“Отвергнуть — значит сохранить ритуальную чистоту, но, возможно, предать истинный Свет. Впустить — значит осквернить покой Храма, но, вероятно, исполнить свой высший долг.”

Он сидел недвижимо, а внутри велась тихая борьба. Образы всплывали перед внутренним взором. Он, преображённый в сияющее Ядро Силы, парящий над миром... И тут же — образ мокрого, дрожащего ребёнка за дверью, в ночи, полной неведомых угроз.

Тишина снаружи стала ещё громче. Казалось, даже ночные духи-ками затаили дыхание, ожидая решения Хранителя.

И тогда Безупречный его принял. Не импульсивное, а выстраданное, выверенное на весах его собственной, ещё не до конца трансформированной души. Возможно, это был последний акт его человечности. Или первая ошибка на пороге божественности.

Без звука, повинаясь воле мастера, массивные лаковые ворота с глухим стоном дерева и лёгким звоном металлических накладок отворились внутрь.

На пороге, залитая лунным светом, смешанным с тёплым сиянием кристаллов, стояла она.

Маленькая. Худенькая. На вид — лет десять, не больше. Платице нежно-голубого цвета, когда-то нарядное, с кружевными рюшами на рукавах, теперь промокло насквозь, грязь и пожухлые лепестки пристали к подолу. Длинные волосы цвета янтарного нектара, обычно, наверное, пушистые, теперь мокрыми прядями лепились к щекам и шее. С них стекали капли, оставляя тёмные следы на отполированном базальтовом полу. Но лицо... Лицо было обращено к нему, не по-детски огромные глаза, зелёные, как глубины лесного озера в самый яркий день, смотрели на Безупречного с таким восторженным изумлением, словно она видела перед собой не человека в простых, белых одеждах аскета, а само чудо.

Она замерла на мгновение, её губки приоткрылись в немой мольбе — прекрасно сыгранный жест между страхом и надеждой. Затем, не сводя с него полных сладкого благоговения глаз, девочка спешно переступила порог. Её босые, испачканные землёй и хвоей, ножки бесшумно коснулись отполированного камня.

И тогда она рухнула ниц. Не как измождённый путник, а с трогательной, едва ли не церемониальной почтительностью, растянувшись в низком, глубоком поклоне, касаясь лбом прохладного пола.

Хранитель медленно открыл глаза. Его взгляд, лишённый былой абсолютной отрешённости, теперь с мягким, почти отеческим интересом скользил по маленькой фигурке у его ног. Он видел искусную дрожь в её тонких плечиках — разумеется, от холода и пережитого страха. Видел, как ткань её платья, чуть менее мокрая, чем следовало бы после настоящего ливня, обрисовывает хрупкие косточки, все же слишком изящные для голодной беглянки. Видел и абсолютную, безоговорочно выверенную до мелочей веру в этих хитрых, колдовских глазах, когда та вновь подняла голову. Она пахла ложью за тридцать ли, словно ласковый яд, соблазнительный и потому опасный.

“Браво, — промелькнула в нём холодная, усталая мысль. — Какая безупречная работа. Страх, надежда, благоговение — всё на своих местах. Почти жаль нарушать идиллию.”

Внутри него что-то дрогнуло и растаяло. Осторожность, холодный анализ, мысли о возможной ловушке — всё это отступило перед нежной картинкой беззащитной, детской благодарности. Разве могло столь юное и наивное создание нести в себе опасность для самого Безупречного? И как тьма ёкая смогла принять столь совершенный облик невинности? Что ж, если это и есть то самое испытание, которое послала ему судьба перед самым вознесением — значит, он примет его. Но не с мечом Солнца в руке, а с тихим светом Луны в сердце.

— Благодарю, Хранитель! — её голосок, теперь слышимый им без преград, прозвучал ясно и звонко, наполняя высокий Зал ласковой мелодичностью. — Я знала... я верила, что вы не оставите...

Уголки его губ приподнялись в лёгкой, покровительственной улыбке. Не столько Просветлённого к заблудшей душе, а скорее взрослого к запуганному, но теперь спасённому ребёнку.

“Ну конечно, не оставил. Какой же я, к Небесному Мандату, возносящийся, после этого буду? Если выгоню промокшее «дитя» в ночи? Идеальный ход. Кланяюсь, малышка.”

И где-то в глубине души, под слоями вечного спокойствия, шевельнулось что-то древнее и почти забытое. Не жалость. Интерес. Скучающего мастера, вдруг обнаружившего на своём идеальном, пустом пути неожиданно сложный и прекрасно сплетённый узел. Но внутри лишь похолодело и сжалось в тугой, тяжёлый ком предстоящей головной боли, что уже отдавалась в висках.

Вознесение теперь откладывается на неопределенный срок.

“Не предполагал, что финальным испытанием станет вот эта... мокрая театральная постановка у порога.”

С улыбкой статуи, выполняющей свою функцию, он сделал плавный, едва заметный взмах рукой — не приглашающий, но разрешающий. Жест, указывающий вглубь Храма. Позволение гостю от хозяина все же войти в его владения. Молчание было красноречивее любых слов. Оно говорило: «Ты прошла проверку на внешнее соответствие. Поздравляю. Что дальше?»

Девочка быстро, почти проворно поднялась на ноги. На её лице расцвела сияющая, благодарная улыбка, от которой, казалось, стало светлее в этом сумрачном зале. Она послушно кивнула, и влажные волосы расплескали вокруг мелкие брызги, пахнущие дождём и... сладковатой, лесной сыростью.

— Спасибо! — повторила ночная гостья, и теперь в её голосе зазвенели нотки облегчения, едва ли не с триумфальной радостью.

Затем, бросив на него быстрый, но все также благоговейный взгляд, она робко, но с хищной грацией в каждом движении зашагала в указанном направлении. Её босые ступни оставляли на полу влажные следы, которые медленно испарялись в тёплом, пропитанном сандалом воздухе Храма, будто и не было их вовсе.

Безупречный наблюдал, как её маленькая фигурка растворяется в узком коридоре с раздвижными дверями из рисовой бумаги, ведущем к внутренним покоям. Чувство глубокого, умиротворяющего удовлетворения наполнило его. Он не поддался на грубый крик. Но он откликнулся на тихую, чистую просьбу. В этом был баланс. Мудрость. Возможно, в этом и заключался последний урок — не отречься от мира с презрением, а проявить к нему осознанное, избирательное милосердие.

Тяжёлая, ясная решимость, смешанная с горькой иронией пронеслась в его сознании.

“Избирательное милосердие? — он мысленно усмехнулся. — Нет. Кого я обманываю? Просто... любопытство. Интересно, насколько хватит её таланта актрисы. И моего терпения. Прекрасный финальный акт, в образе невинной девочки, перед самым моим вознесением — поиграть с тенью, не испачкавшись. Какая замечательная аскеза.”

Сознание, отточенное годами размышлений, озарилось кристальной ясностью, подобно отражениям в горном озере.

“Даже здесь, на Сюнране, Колыбели Дремлющих Садов, законы небесные неизменны. Как и на всех населенных планетах Империи Святого Солнца, над нами всегда — Два Лица. Два Небесных Светила.

Главная звезда, ослепительное, всевидящее Солнце — символ, избранный Синодом — Свет Истины в её самой бескомпромиссной и беспощадной форме. Он не оставляет места сомнению, тени, полутону. Выжигает грех, ослепляет заблудшего, требует безусловного поклонения. Это свет власти, порядка, неумолимого долга. Он делит мир на Праведных и Падших. В нем так легко сгореть самому, забыв, что даже верующие отбрасывают тень.

И Луна. Вторичный источник. Вечная спутница, бледное подобие главного светила.

Так учат в имперских академиях. Но летописцы слепы. Они не видят мудрости Ночи.

Сияние луны не борется с тьмой, а принимает. Её свет — не меч, а покрывало. Не ослепляет, но проявляет суть. Мягко очерчивает контуры спящего мира, позволяя увидеть изгиб ветки, белизну цветка, тропу в лесу — без ярости и гнева на естественную природу вещей. Лунный свет не отрицает тень, он существует благодаря ей. Это свет понимания, а не осуждения. Созерцания, а не завоевания.”

Именно этот путь он избрал. Не как отступничество, а как прозрение. Синод поклоняется огню, что сжигает дотла. Кристиан основал собственный Храм Вечной Луны, чтобы дать свет тем, кто блуждает в кромешной тьме — не для того, чтобы ослепить и обратить, а чтобы указать им путь. Чтобы душа, даже самая запятнанная, могла увидеть свои собственные очертания и найти дорогу к очищению. Истинный свет не карает за наличие тени. Он нежно сияет сквозь неё.

Именно поэтому он не традиционный «Сэнсэй», наставник, ведущий избранных по жёсткой тропе к сияющей вершине. Нет. Это обращение не для него. Оно пахнет пылью дождя, потом учеников, слепым следованием канону. Раньше он мечтал о месте в Высшем Синоде, среди арбитров Истины. Но в итоге путь привёл его сюда, к основанию своего храма. Хранитель. Вот его имя и долг теперь. Хранитель этого тихого, лунного света. Хранитель пространства, где тень имеет право на существование. Не судья, не учитель в узком смысле. Тот, кто охраняет сам принцип: что даже в ночи есть свет, а в заблудшей душе — искра, достойная того, чтобы её сберегли от полного угасания. Этот титул, полученный им за былые заслуги, наполнился теперь новым, глубоко личным смыслом.

Пусть Синод видит в этом звании лишь административную функцию. Для него он стал сутью нового Пути. Он — Хранитель Храма Вечной Луны. Его долг — не выковать новые клинки для имперской армии, а сохранить иной свет, принять под сень храма тех, кого яркое солнце ослепляет или отталкивает, и осветить их собственный, уникальный путь. Его вознесение будет не взрывом солнечной вспышки, а тихим становлением неугасимым сиянием вечности в безликой ночи мироздания. Тем, кто укажет путь всегда, даже если официальный Свет отворачивается, считая часы тьмы потерянными.

Он закрыл глаза, но медитация не возвращалась. Внутренний свет пульсировал неровно, с холодным и острым оттенком начавшейся игры, которую он не планировал, но и не намерен выходить проигравшим. Давно заметил, как следы на камне не просто высыхали, а будто впитывались, оставляя лёгкий, чуждый холодок и едва заметный налёт инея, тающий быстрее, чем успеваешь моргнуть. Заметил и тот последний взгляд из глубины коридора — хищная, зеленая, вспышка, в которой на миг проступил расчётливый азарт охотницы.

Страх перед ёкаями — удел слабых. Тех, кого могут поглотить. А эта... всего лишь напуганный лисёнок. Пришедшая в пасть к тигру. И даже не подозревающая, куда именно она сегодня забрела.

Он это точно знал. Она — определено нет. И в этом диссонансе заключалась странная, почти циничная ирония ситуации. Вся эта мирская суета сансары — погони, страхи, мокрые платья — была лишь пылью. Важна только суть. Безупречный в шаге от того, чтобы перестать быть человеком, вдруг получил последнее, самое нелепое испытание.

Уголки его губ приподнялись в лёгкой, отстранённой улыбке. Больше не выражавшей ни доброты, ни отеческой заботы. Он принял правила чужой игры, уже видя все ходы наперёд.

“Да, пусть я и не планировал, но раз уж сама пришла... почему бы не получить от нашего взаимодействия хоть какое-то, пусть и извращённое, удовольствие? Что ж... Добро пожаловать в мой дом, маленькая лисичка, — в его мыслях не было ни страха, ни гнева. Лишь усталая готовность к долгой, сложной работе. И почти благодарное ожидание предстоящего противостояния. — Столкновение с тьмой, прикидывающейся отблеском Луны. Посмотрим, кто кого

здесь приручит. Развлечемся напоследок? Покажи всё, что умеешь! Раз уж решил отложить своё вознесение ради этой странной партии. Интересно, чему этот урок научит меня, прежде чем я окончательно перестану быть собой... ”

Глава 3. Орден Святого Солнца.

Чувство умиротворения, которым наслаждался Безупречный, длилось недолго. Едва в коридоре затихли шаги девочки, как тишину Храма вновь разорвали звуки. Но на сей раз — знакомые, железные и грозные.

Глухой грохот отворяемых тяжелых внешних ворот стражами из Имперского Гарнизона. Лязг стальных пластин, тяжёлый, быстрый топот сапог по базальтовым плитам, прерывистое дыхание людей, долго бежавших на пределе своих сил. Свет в Зале заколебался от множества факелов, ворвавшихся снаружи, смешав размеренное сияние магических светильников с горячим, тревожным пламенем незваных гостей.

В Зал ворвался отряд.

Двенадцать человек. Рыцари Света в латных доспехах, сияющих под слоем дорожной пыли и ночной влаги.

Мысль кольнула сознание Кристиана ледяным презрением: “Рыцари. Не воины, не стражи. Именно рыцари. Синод, этот конгломерат магистров и кардиналов, любил пафосные термины. «Рыцарский Орден Правых». Звучало благородно, по-имперски. Идеальная ширма. Под этим званием им выдавали «Императорский Мандат на Очищение» — юридическую фикцию, дающую право творить любой беспредел во имя «священного света». Сжечь деревню, заподозрив в сговоре с демонами? Это «защита от осквернения». Уничтожить местное святилище ками? «Во имя чистоты веры». Удобно. Безжалостные каратели в сияющих латах, прикрывающиеся светом, который должны нести. Миротворцы с окровавленными руками.”

На нагрудниках — Печать Солнца. Не просто символ. Клеймо, знак принадлежности к машине подавления. Полуденное, беспощадное солнце, выжигающее всё, что не укладывается в их узкие догмы. Эмблема их «славного» ордена, чья слава пахла пеплом и страхом.

Шлемы были сняты — жест показного доверия или просто усталости? Их лица, обезображенные предельным напряжением, были для него масками фанатиков. Каждую морщину, каждый взгляд он читал как строку в обвинительном заключении против их методов.

Впереди всех, широко расставив ноги, как бы преграждая путь своей собственной тревоге, стоял их командир.

Его лицо, обычно спокойное и насмешливое, было бледным, в глазах — стальной блеск истерии, смешанной с яростью. Тёмные волосы, собранные у затылка в небрежный хвост самурая, были мокры от пота. Плащ, закреплённый на плечах стальными заколками в виде стилизованных львиных голов, был в грязи и оборван по краю, будто он продирался сквозь самые густые бамбуковые заросли.

“Кассий.”

Его имя всплыло в памяти Хранителя как удар камня о камень — твёрдое, короткое, лишённое украшений.

“Друг?.. Едва ли. Бывший коллега? Скорее союзник по необходимости.”

Он свято верил в систему, которая Кристиана давно разочаровала. Рыцарь Света был грубым, материальным воплощением того, от чего Хранитель Храма Вечной Луны стремился уйти. Его волнение было напряженным беспокойством солдата, видящего угрозу для порядка. Тревога Кристиана была иной — досада художника, чьё уединение нарушили громылы с топорами.

— Мастер Кристиан! — голос Кассия, скрипучий и хриплый от многих лет отданных команд, звучал резко, срываясь от спешки. — Тревога! Мы нарушили покой Храма не по своей воле!

Хранитель Храма Света Вечной Луны, Кристиан Эль’Терон, медленно открыл глаза. Он не поднялся. Лишь неспешно повернул голову в их сторону. Его лицо, секунду назад смяг-

чёрное улыбкой, снова стало отражением невозмутимого спокойствия. Но в глубине зрачков, если бы кто-то посмел заглянуть достаточно глубоко, бушевала буря. Не страха, а нарастающего раздражения. И... того самого, томного волнения, которое начало точить его изнутри с момента, как мокрые следы испарились с камня. С приходом стражей тихая тревога, уже витавшая в воздухе, кристаллизовалась, и стала осязаемой. Он давно чувствовал её — тонкую, как паутина, вибрацию энергии Тени, теперь исходящую из глубин его собственной обители. Его не обмануть. Он знал всё. С самого начала знал, что это за “заблудшее дитя”.

Но фраза, та самая невинная фраза, эхом звучала в сознании: «Только вы сможете мне помочь». Она въелась в самую сердцевину его великой миссии, в его собственную, ещё не до конца преображённую человечность. И за этот же крючок цеплялась и его титаническая гордыня.

Рядом с предводителем отряда, опираясь на рукоять двуручного меча и тяжело дыша, стоял его первый помощник — рыжеволосый и веснушчатый Леон Брайстоун. Его обычно открытое, глуповатое лицо было искажено гримасой — странной смесью животного ужаса и непристойного возбуждения. Голубые глаза, мутные от усталости и чего-то ещё, метались по Залу, выискивая невидимую угрозу, а его влажные губы невольно причмокивали, будто он только что лакомился чьим-то страхом или представлял себе нечто сладкое и запретное. Кристиан отметил про себя жалкую и знакомую картину: даже перед лицом смертельной опасности похотливые мысли уже копошились в этой недоразвитой голове, оскверняя святость его обители.

Линь Гуаньчжай. Прозвище, данное юнцу в насмешку ещё в академии и с тех пор прилипшее намертво, звучало примерно как «Линь-Деревянная Колода» — тупой, неповоротливый, неотёсанный чурбан. Вступив в Орден, он попытался компенсировать это громким псевдорыцарским именем, но тщетно. Эти рыжеватые волосы, нелепо торчащие из-под шлема, и пухлое лицо в веснушках — выдавали в нём жалкого, переодетого чхонмина, — выходца из низшего сословия, которому никогда не стать благородным воином, даже облачившись в рыцарские доспехи.

— Простите за вторжение, Сэнсэй, — выдохнул Гуаньчжай. Его голос прозвучал неестественно громко и сдавленно, словно он репетировал эту фразу всю дорогу. Ненавистный титул резанул слух. Хранитель заметил, как кадык юноши нервно задергался, а уголок рта изогнулся в нелепом подобии уверенной улыбки. — Нам нельзя было медлить.

Кассий шагнул вперёд. Рыцарские доспехи звякнули сухим предостерегающим звоном.

— В Храм Света проник демон! — слова падали, как удары молота о наковальню. — Кицунэ-суккуб высшей пробы. Мерзкая, хитрая и опаснейшая тварь. Она обманывает, принимая облик невинности, чтобы подобраться к жертве поближе. Мы шли по её следу от Чёрной Заводы. Она уже оставила четыре высушенные оболочки — трёх стражей и отшельника с Горящей Горы. Выпила не только силы, но и сам свет их души!

Линь кивнул, сглатывая слюну. Его лицо было искажено отвращением и страхом, но где-то в глубине глаз, как грязь на дне колодца, плескалось нездоровое любопытство. — Она очень хитра, Хранитель. Безумно коварна. Её маскировка... совершенна. — Он снова сглотнул, и звук был отвратительно влажным. — Правда, я видел её лишь мельком, когда скользила меж бамбуковых стеблей... Плавность линий, изящество изгибов, грация движения... даже сквозь страх дух захватывало... Вид... завораживающий. Даже зная, что это ловушка, сложно было оторвать взгляд... Но её аура Тени... Вы должны были почувствовать! Нельзя допустить ее присутствие здесь, в этих священных стенах! Нужно немедленно найти и уничтожить демона, пока она не устроила логово в сердцевине оплота Света... то есть... вашего убежища, Храма Вечной Луны!

«Как предсказуемо, — холодной иглой пронзила сознание Кристиана новая волна презрения. — Сопляк уже пускает слюни, рассуждая о «совершенстве» демонической оболочки. Жалкий наглец, чья собственная низость цепляет к нему ещё большую скверну.»

Безупречный слушал. Каждое слово падало на благодатную почву его собственных подозрений и ложилось поверх них тяжёлым, логичным грузом. Да. Всё сходилось. Запачканное, но слишком нарядное платье. Слишком совершенная, почти «кукольная» красота. Омуты бездонных глаз. И столь знакомый холодок приспешников Бездны...

«Реакция этого похотливого дурака Гуаньчжая была лучшим подтверждением её природы. Обыкновенный слабенький суккуб. И хвост лишь один... Но очарование — основа её магии, рассчитанная как раз на таких сосунков. На этих дрожащих тварей, видящих в мире лишь грязное отражение собственной похоти. Сколько ночей этот рыжий девственник теперь будет пачкать бельё, вспоминая «коварство кицунэ»? Мерзкие насекомые. Лишь их собственные пороки — делают её оружие сильным. Но разве это проблема для меня? Нет. Это — вызов. Грязь, которую надлежит отмыть. И я с наслаждением свершу это на глазах убогих, явив им, что есть истинная сила духа.»

В душе Хранителя поднялось другое чувство. Не страх. Не тревога. А холодное, всепоглощающее превосходство. Он — Кристиан Эль'Терон. Безупречный. На пороге превращения в Ядро Чистой Силы. Воплощение Света. С какой стати Ему бояться какой-то заблудшей лисички, пусть даже и демона высшей пробы? Он не станет её уничтожать, как предлагают эти... слабаки. Он совершит акт истинного величия. Поможет ей. Осветит её тёмный путь. Очистит от скверны своим возвышенным сиянием. Переплавит её хитрость в мудрость, её жажду — в смирение. Это будет его последним, величайшим деянием перед вознесением. Подвиг, достойный легенд.

И этим грубым, шумным, недостойным стражам не понять такой высоты духа.

Он медленно поднялся. Его движение было плавным, полным невыразимой мощи. Роскошный белый шёлк его одеяния лишь подчеркивал ауру абсолютной власти, исходящей от Хранителя. Воздух вокруг загустел и зарядился статикой.

— Довольно, — его голос прозвучал тихо, но в нём была сталь, перекрывающая все другие звуки. Он смерил Кассия и Леона взглядом, в котором не осталось и тени былой мягкости. — Вы явились толпой, подобно разбойникам, в неурочный час. Ваши голоса оскверняют святыню криком. Ваше присутствие нарушает мой покой, столь необходимый для высших практик.

Кассий замер, его глаза сузились до крошечных щелочек. Леон недоверчиво покачал головой.

— Мастер, вы не понимаете всей...

— Немедленно покиньте священный Храм, — перебил его Кристиан. Эти слова не были просьбой. Приказ самой реальности. И реальность мгновенно подчинилась.

Невидимый, но всесокрушающий поток чистой силы хлынул от Безупречного. Это не было направленным ударом — иначе никто бы не выжил. На счастье стражей, то был лишь сметающий ураган воли. Десять рыцарей, как подкошенные, улетели назад, к выходу, их доспехи гремели, факелы потухли. Они кучей рухнули за порог в темноте ночи.

Устояли лишь двое. Кассий вонзил каблуки в каменные плиты, а его плащ взметнулся, как парус в шторм. И Леон, успевший в последний миг ухватиться за край плаща командира, чтобы его не снесло к остальным.

Прах и пыль кружились в Зале. Тишина, наступившая после грохота, была оглушительной.

Предводитель стражей выпрямился. Его лицо покраснело так, словно перезрелый фрукт налился багровым цветом. Он выдернул плащ у Леона и сделал шаг вперёд, к Хранителю, будто забыв о всякой субординации.

— Не заставляй меня, старый друг, вступать в конфликт, — прошипел он, и в его хриплом голосе впервые зазвучала неподдельная, личная ярость. — Тебе не совладать с ней в одиночку. Она не та, кем кажется. Демоница вывернет твою душу наизнанку, прежде чем ты поймёшь, что происходит!

Кристиан Эль’Терон разозлился не на шутку. Не просто рассердился — в нём вспыхнул чистый, белый гнев. Как смеет этот... рубака, жалкий человечиска, всё ещё погрязший в тактике и долге, в братстве и грубой силе — как смеет он утверждать подобное? Как смеет сомневаться в силе того, кто вот-вот станет выше самих богов?

— Как смеешь, ты, Кассий?! — Голос Безупречного прогремел с такой сокрушительной силой, что задрожали каменные стены, а в нише статуя Безликого Просветлённого издала тонкий, печальный звон. Его глаза, обычно такие спокойные, вспыхнули ослепительным внутренним светом. — Ты, чьё сознание заточено лишь на битву? Кто видит мир через щель забрала? Ты говоришь мне о душе? О силе? Ты не знаешь, что такое истинная мощь! И не видишь дальше замаха своего клинка!

Он сделал шаг навстречу Кассию, и пространство между ними искривилось, наполнившись жаром.

— Эта «сущность», как ты её называешь, пришла ко мне. Она искала защиты от ваших мечей — и обрела просветление. Его ей обеспечу я. Сделаю то, что не под силу целой армии таких, как вы, «очистителей» — я превращу её тьму в свет. А тебе, Кассий, как и твоему верному помощнику, остаётся лишь одно: наблюдать со стороны и учиться. А теперь — исчезните! И не возвращайтесь, пока не научитесь благоговеть перед тем, кто выше вашего понимания.

Он повернулся к ним спиной, его белые одежды колыхнулись в неподвижном воздухе. Жест был ясен. Разговор окончен.

Кассий стоял, сжимая эфес меча до хруста в суставах. В его глазах бушевала буря — обида, ярость, страх за друга и леденящий ужас от понимания, что он, возможно, уже опоздал. Леон тихо тронул его за локоть, его взгляд, полный тревоги, умолял об осторожности. Весь его вид говорил об одном: «Он нас не слышит. Великий Мастер угодил в ловушку».

В глубине Храма, в коридоре, ведущем к покоям, из-за тяжелой портьеры мерцали торжествующие изумрудные огоньки. Зверь наблюдал. И ждал. А тонкие, почти невидимые ушки, скрытые под мокрыми прядями волос, насторожились, уловив эту сладостную мелодию раздора. Всё шло по плану. Даже лучше.

Дверь Зала захлопнулась с таким финальным гулом, будто погасли последние угли надежды. Воздух, ещё секунду назад наэлектризованный гневом и невидимым противостоянием сил, внезапно опал, остыл. Кассий стоял, вцепившись пальцами в перевязь меча, глядя на непроницаемые дубовые панели, отделявшие его от человека, которого он когда-то называл другом. В ушах ещё звенели слова Кристиана, не просто обида — холодный, абсолютный приговор их долгу и разуму.

Леон первым нарушил гнетущее молчание. Он подхватил под локоть одного из оглушённых рыцарей, поднимая его с пола.

— Командир, — его голос был тихим, но твёрдым, как точильный брусок. — Мы теряем время. Мастер Эль’Терон не в себе. Он... околдован коварной демоницей.

Кассий резко обернулся. Его взгляд метнулся от лица Леона к сгрудившимся воинам, едва оправившимся от удара. В них он видел не страх, а растерянность и немой вопрос: «Что теперь делать?» И ответ был горше полыни.

— Отступаем, — прохрипел Кассий. Слово далось ему с трудом, будто он отрывал от сердца кусок плоти. Отступление всегда было для него позором, но сейчас это был единственный разумный шаг. — Быстро и тихо. На кону теперь и демоница, и сам Хранитель Главного Храма Света, и вся подконтрольная ему территория.

Он бросил последний взгляд на дверь. Там, за ней, оставался не просто просветлённый, а бомба, начиненная невероятной силой и отравленная чужеродной волей. Сражаться с ним — значило не просто погибнуть. Это означало дать твари пиршество из душ лучших воинов Света и распахнуть перед ней двери в мир, который она жаждала поглотить.

— Леон, — Кассий двинулся к выходу, его шаги были тяжёлыми, но быстрыми. — Отправляйся в Совет с посланием. Немедленно. Сообщил: Кристиан Эль’Терон пал жертвой высшего демона суккуба-кицунэ. Находится под полным влиянием. Храм — эпицентр угрозы. Требуется полное оцепление, магический карантин первой степени. Эвакуация всех поселений в радиусе двадцати лиг. Приоритет — недопущение контакта демона с мирными гражданами.

Леон кивал, на ходу доставая из поясного мешочка свиток и угольный карандаш.

— А сам Храм? — спросил он, уже набирая первые символы.

— Осада, — коротко бросил Кассий, уже выходя в ночь. Холодный ветер ударил в лицо, но не смог охладить жгучий стыд и ярость в его груди. — Мы не можем штурмовать крепость, пока он там. Мастер будет защищать её, как своё сокровище. Будет уничтожать нас, как врагов Света. Мы лишь накормим её своей силой. Нужны барьеры. Печати. Изоляция. Пока Совет не решит... — он не договорил. Решение могло быть только одно: уничтожение Храма вместе со всеми, кто в нём находится. Вместе с его другом.

Отряд, пристыженный и разбитый, строился во дворе. Кассий обвёл их взглядом.

— Мы не только проиграли сражение, — его голос прорезал ночь, жёсткий и не терпящий возражений. — Мы столкнулись с могуществом, против которого грубая сила бесполезна. Но мы ещё не проиграли войну. И даже выиграли время для других. Теперь наша задача — не дать этой чуме вырваться наружу. По местам. Живо!

Он не смотрел, как они рассыпаются, выполняя приказы. Его взгляд был прикован к мерцающему сиянию, напоминающему звёздное небо. Там, в самом сердце священной обители, горел теперь не свет веры, а иной, хищный, зелёный огонёк.

Этот Храм. Эта планета. Вся эта цветущая глушь, которую Кристиан вырастил из камня одной лишь своей волей. Магия Созидания — редчайший дар, коим можно было бы перекрыть империю. С ним можно было править мирами. А он просто... поселился здесь. Как отшельник. Построил себе хижину в лесу и назвал это Светом Вечной Луны.

“И теперь этот «лесной домик» станет его могилой. Какая ирония.”

Горечь обжигала горло. Кассий знал, что эти мысли — яд. Знал, что они недостойны рыцаря. Но они были. И чем дальше, тем сильнее.

Там, в оплоте Света демоница сейчас праздновала победу.

“Празднуй, тварь. Ты даже не представляешь, кому только что перешла дорогу. И какую цену заплатят все — и ты, и он, этот несносный одаренный, чьё могущество могло бы принадлежать тому, кто действительно умеет пользоваться властью.”

Кассий стиснул зубы, вспомнив, как они начинали. Вместе в академии, их первые рейды. Тогда Кристиан был просто талантливым парнем, а не «живым воплощением света». А теперь? Теперь он — Безупречный, почти бог, а Кассий — его сторожевой пёс на задворках империи. Всего лишь рыцарь, гниющий в этой дыре, потому что приставлен «присматривать» за гением, который решил поиграть в отшельничество.

“Сколько можно? — мысль пришла неожиданно, густая и зябкая, как утренний туман. — Сколько ещё он будет торчать в тени этого «Великого Мастера», наблюдая, как беспечный дурак разбрасывается силой, которой хватило бы на тысячу жизней?”

Познал истину созидания. Он превращает пустоши в плодородные земли. А я... я могу только уничтожать. И даже это — по его милости, потому что без его защиты империя давно бы сдала этот сектор.

— Прости, Кристиан, — прошептал он так тихо, что даже ветер не унёс этих слов. — Я не смог до тебя достучаться. Но я поклянусь на твоей будущей могиле: она заплатит за это. Она заплатит за каждую каплю твоей души, которую украла.

“И может быть... — мелькнула в сознании опасная мысль. — Когда пепел битвы остынет, этот Храм обретет хозяина, который оценит его по достоинству.”

Леон, закончив писать, положил руку ему на плечо — жест поддержки, редкий для их обычно суровых отношений.

— Он уже пал, командир. Там, внутри, бьётся вовсе не сердце Света. Мы спасаем лишь то, что ещё можно спасти.

Кассий кивнул, отстраняясь. Сожаление и скорбь были роскошью, на которую сейчас не было времени.

— Отправляйся. Скачи, что есть мочи. Отряд! Сформировать защитный барьер! Чтобы ни одна тень не просочилась.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.